

«Мы – в начале пути»

Подводя итоги семинара, хотел бы обсудить вопрос о том, на каком этапе мы, люди, занимающиеся практическим делом, в том числе политикой – в рамках Народного фронта или собственной гражданской позиции, – на каком этапе мы находимся, имея в виду обсуждаемую идею – консерватизм.

Конечно, я не столь глубоко погружен в историю русского консерватизма, как Аркадий Юрьевич (Минаков. – *Ред.*), но я согласен с его утверждением, что судьба консерватизма в нашей стране сложна и противоречива – незавидная судьба. И проблема, на мой взгляд, состоит в следующем. Россия как страна с момента своего появления, конечно, глубоко консервативна. Консерватизм она пронесла на протяжении всей своей тысячелетней истории. Это является базой современного российского консерватизма. Мы ничего не придумываем – мы берем то, что исторически, имманентно, органически присуще стране, в которой мы живем, и народу, который ее населяет. А вот политический класс нередко традицию разрушал, в силу разных причин. Тот же Петр I, который в чем-то наверняка был приверженцем консервативной традиции, он одновременно нес сюда и западную традицию, делая это ценой немалых жертв и полагая, что тем самым он привносит прогресс и цивилизацию в лапотную, нищую и убогую страну. Возьмите XIX век, когда страна жила предреволюционными ожиданиями. Консерваторы появились не только потому, что они отражали российские традиции. Это была охранительная, защитительная идея. Они понимали, чем грозят России западничество и неверие в собственные ценности. Они понимали, что революционный зуд разрушит Россию. Этим и кончилось – Россия была разрушена. Сейчас было сказано о тридцать четвертом годе. Это были тактические ходы власти, чтобы привлечь традицию, историю для решения сиюминутных задач. А вообще – что такое те семьдесят лет? Нет у революции начала, нет у революции конца. Что такое семнадцатый год? Это революция, кардинальная ломка всего и вся, отказ от всего, что было до тебя. Что такое коллективизация? Это революция. Что такое индустриализация? Это революция. Мы жили в революционном тренде, который абсолютно не соответствует консервативной традиции. Он ее антипод. Страна жила в этом тренде целых семьдесят лет. А что произошло в приснопамятном девяносто первом году? Это очередной слом, очередная революция, очередной отказ от того, что было до тебя. И теперь представьте себе:

у нас через три года будет столетие «Великого Октября». По моим представлениям, мы восемьдесят лет из этого столетия, а может быть и все девяносто, жили в духовной и политической атмосфере, категорически противопоказанной консервативным ценностям и традициям.

[Обращаясь к архимандриту Тихону. – *Ред.*] Откуда в нашей семантике такое негативное отношение к слову «консерватор»? Вы приводили синонимы из словаря. Интересно, как появились эти синонимы? Но есть ведь и другие синонимы: устойчивый, основательный, осторожный. Почему в тех словарях, на которые вы ссылаетесь, нет этих синонимов? Я найду вам массу слов в русском языке, которые гораздо ближе к понятию «консерватизм», чем «косный». Вот «ретроград» – это совсем другое слово. Оно обозначает антипрогресс. Но консерватор – это не антипрогресс. Консерватор – это человек, который делает хорошо продуманный шаг вперед. Есть бездумное стремление к прогрессу, а есть основательное, основанное на традиции, с пониманием, для чего я делаю этот шаг, что для меня прогресс, куда я иду.

Я поборолся бы вместе с вами за термин «консерватизм». Это понятие вполне российское, и его можно сделать полностью позитивным. Конечно, это моментально не получится. У «Единой России» это не получилось. Я сам писал манифест «Единой России» в 2002 году – здесь присутствуют люди, которые его читали, рецензировали. Это консервативный документ. Там сказано, что наша идеология – это идеология социального консерватизма. Не прижилось. Юрий Михайлович Лужков меня долбал на всех наших партийных мероприятиях: что ты, мол, лезешь со своим консерватизмом? Дескать, нельзя в России использовать этот термин – это плохо для российского уха.

А вот Путин не боится говорить, что мы страна с консервативными ценностями. Нам нужно сейчас закладывать эту традицию. Если мы честны, если мы это делаем не потому, что нас кто-то туда толкает, если это есть наше убеждение, если мы понимаем, что это базовые ценности для правильного, эффективного развития нашей страны, то тогда эти ценности должны стать ценностями не только узкой части политического класса, но они должны стать ценностями большинства наших сограждан, наших сторонников, тех, кто нас поддерживает, кто поддерживает нашего президента – его рейтинги сегодня зашкаливают за все мыслимые и не мыслимые... 69%, я не знаю, есть где-нибудь в мире аналоги этому? Думаю, что нет. Это уникальное явление для демократического общества. Это ведь не СССР, не сталинские времена – мы живем в демократической стране, и люди вольны говорить так, как они считают нужным. Тем не менее такой уровень доверия к человеку, который давно находится во власти, – это многого стоит. Потому он и говорит, что наша идеология – это идеология консерватизма и мы должны исходить из тех ценностей, которые действительно присущи нашей стране.

Это те самые ценности, о которых говорил Вячеслав Алексеевич (Никонов. – *Ред.*) применительно к внешней политике. Это те ценности, о которых говорил Юрий Павлович (Вяземский. – *Ред.*) применительно к образованию, к духовной сфере. Это те ценности, о которых говорил Глазьев, присущие нашей экономической стратегии. Консерватизм – это то, что пронизывает все сферы нашей жизни. Я для себя сформулиро-

вал, в чем главное отличие консерватизма от либерализма. Что происходит в Европе? Мы сегодня об этом говорили. Почему мне кажется, что там беда, в Европе? Там утвердилось понимание того, что норма права, любая бумажка, где записаны некие правила, – выше, чем мораль. Пример с жирафом (в зоопарке Копенгагена. – *Ред.*) – стопроцентное доказательство того, что Европа сошла с ума. Потому что норма, написанная в циркуляре, становится выше понятной каждому ребёнку ценности жизни – не только человеческой, но и этого несчастного существа, которое резали на глазах у детей. Потому что есть правила, в которых резать предписано.

Мы не можем жить по таким правилам. У нас есть нравственные ценности: добро, справедливость, благородство, взаимопомощь и более политизированное, но тоже важнейшее понятие – гражданская солидарность. Мы можем быть солидарны вокруг каких-то ценностей, которые мы защищаем, отстаиваем, которые мы считаем правильными и справедливыми. Нам как своего рода идеологам проекта «Народный фронт» надо в регионах собирать вокруг себя актив, тех людей, которые будут действовать вместе с нами на одной волне. Это тоже наука, это тоже история, которую нужно прожить и пройти. Недостаточно прослушать умную лекцию. Такие лектории вы сможете организовать у себя в регионе и найдете благодарную аудиторию. Но должны появиться люди, которые являются публичными носителями наших ценностей. Способные полемизировать, способные обогащать наших сторонников идейно и привлекать к нам новых людей.

Мне представляется особенно важным то, о чем говорил Юрий Павлович. Поколение, которое сейчас приходит, через десять – пятнадцать лет будет управлять страной. Это так! Сегодня они оканчивают вуз, им двадцать два – двадцать три года. Прибавьте десять – пятнадцать лет – это те люди, которые завтра придут. Они будут министрами, губернаторами, они будут учителями в школах, преподавателями в вузах. Если мы сегодня передадим им правильный сигнал, как должна развиваться страна, на каких ценностях она должна основываться, – мы повлияем на то, какой будет послезавтрашняя Россия. А если не дадим, то мы можем лишиться своих корней. А когда страна лишается корней, она обречена.

Поделюсь с вами одним своим наблюдением. Кто сегодня главные игроки в мире? Соединенные Штаты, которые претендуют на однополярный мир. Это максимально идеологизированная страна: наши американские ценности – самые лучшие в мире; я держусь за сердце и пою американский гимн; я говорю, что у нас самая лучшая в мире демократия; мы самые свободные, мы самые эффективные... Ребенка еще еле-еле из-за стола видно, а он уже этими ценностями пропитан. Он живет на три доллара в день где-нибудь в негритянском гетто, но говорит: я – американец, я живу в самой свободной стране.

Что такое Китай как следующий центр силы, гигантский центр силы в современном мире? Это максимально идеологизированная страна, которая всеми силами борется за те ценности, которые она считает для себя базовыми. И без этого Китай сегодня невозможен. Уберите эту опору, оставьте только административный и политический ресурс, и страна рухнет. Они прекрасно это понимают.

Что такое Европа сегодня? Это идея европоцентризма. Все вступайте в Европу, потому что у нас здесь всё правильно. У вас всё неправильно, а у нас – правильно. Идите все к нам. Разве это не идеологема? Разве это не идеология, которой пропитывают сознание граждан?

А нам говорят – вам не надо, чтобы у вас была какая-нибудь идеология. У вас и в Конституции так написано. Правильно написано – нам не нужна государственная идеология, которая была во времена товарища Сталина. Но нам нужны идеи и ценности, которые являются для нас базовыми и на основе которых мы будем проводить и экономическую политику, и внешнюю политику, и внутреннюю политику. Без этого мы не можем быть державой, единым обществом. Не сможем тот стержень сохранить, о котором вы говорили и которым является государствообразующий русский народ, а также русский язык, формирующий наш социум. Без этого мы исчезнем, нас размоют, нас разнесут по кирпичику. Мы живем не просто в конкурентном мире, мы живем в мире, где мы, сильная держава, самая богатая ресурсами держава, обладающая к тому же ядерным оружием, – мы никому такие не нужны. В современном мире конкуренция лишь обостряется, и по-другому не будет никогда. Либо мы конкурентоспособны и можем существовать как самостоятельный социум, – тогда мы игроки. Либо нет – тогда нас нет, на щелчок – нет. И мы были к этому близки. Почему в 1990-х годах мы были к этому близки? Как вы думаете? Потому что у нас развалилась экономика? Нет! Потому что были потеряны все идейные, нравственные ориентиры. Когда общество остается без корней, без ориентиров – бери его голыми руками, и оно будет, как пластилин, из него всё что угодно можно сделать.

Поэтому перед нами стоит большая задача – вернуться к тем ценностям, которые мы понимаем единообразно и которые будем транслировать как крупная общественная и политическая сила. У нас есть лидер, который является носителем этих ценностей и который эти ценности провозглашает. Два последних послания Путина – это максимально, в хорошем смысле, идеологические документы. Не было таких президентских документов за последние двадцать лет. Путин дважды в своих посланиях Федеральному Собранию говорил не столько о том, как мы будем развивать экономику, сколько – на какой основе мы будем это делать. На основе каких ценностей мы будем это делать.

Мы с вами только начинаем этот процесс, даем ему старт. Мы должны втянуть в него как можно больше сторонников, которые будут говорить на одном языке с нами и с нашим президентом. Вот та задача, которую мы с вами должны решать.

А.Ф. Соломаха. Олег Викторович, извините, при всем уважении, но вы не выполнили задания Ольги Юрьевны (Васильевой. – Ред.). Пользуясь термином «консерватизм», вы прилагательного ни разу не употребили. А здесь было такое задание: какое прилагательное использовать?

О.В. Морозов. С гордостью могу сказать, что автором термина «социальный консерватизм» являюсь я! Столблю! У меня была статья еще в 2001 году, где я впервые попытался объяснить, что такое социальный консерватизм. Потом появился Социально-консервативный клуб в «Единой России». Но, повторяю, термин не прижился, хотя он мне нравится. У меня нет готового решения. Давайте вместе искать. Вы же вчера «штурмовали», и у вас были разные предложения. Поиск обогащает идею, обогащает стратегию. Давайте вместе еще подумаем о том, что можно поставить рядом со словом «консерватизм». А, может быть, ничего и ставить не надо.

Ю.П. Вяземский. Олег Викторович, быть может, сказать «продуктивный консерватизм» – как альтернатива разрушительному либерализму?

О.В. Морозов. Вообще-то, либерализм бывает не только разрушительный.

Ю.П. Вяземский. Я имею в виду именно разрушительный...

О.В. Морозов. Хочу поделиться еще одним наблюдением. Долгое время у нас

в стране был абсолютный крен в сторону либеральной повестки – политической, идеологической, медийной, творческой, какой угодно. Это совершенно не соответствует нашим традициям – корневым традициям, не политическим. Это и по определению плохо – потому что отсутствует другая, уравнивающая точка зрения. Даже человек со стойкими политическими взглядами может быть сбит с толку подобным засильем одной точки зрения. Что же говорить об обществе в целом... У нас доминировала эта политическая линия. Постепенно она стала вырождаться в агрессивную, разрушительную. Если бы она просто существовала как некий взгляд на мир, то и Бог с ней. Среди либералов есть очень уважаемые люди, которые исповедуют патриотические взгляды. И очень хорошо, что такие есть. Если они патриоты, если они за страну, но по-другому понимают принципы экономической политики, или внутренней политики, или внешней политики, – это приглашение к дискуссии, к диалогу. Но когда имеет место разрушительный процесс, это плохо. А было так.

Вот поэтому я говорю, что мы с вами только в начале пути.

А.И. Бочаров. Уважаемые коллеги, давайте поблагодарим наших товарищей за проведенную работу, за начало пути, как сказал Олег Викторович. Эти два дня прошли продуктивно. Мы и дальше будем работать в том же направлении.